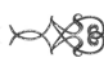

Любовь и тайна

Цикл романов
«Советский колдун»

Любовь колдуна

Наследство колдуна

В моих глазах - твоя погибель!

Чёрная карта судьбы

Елена
Арсеньева

В мои глаза –
твоя погибель!

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Художественное оформление серии
Елены Анисиной

Иллюстрация на переплете
Елены Черновой

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 В моих глазах — твоя погибель! : [роман] / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-699-95239-7

Дети погибшего советского колдуна по прозвищу Гроза волею судьбы оказались на Дальнем Востоке. Саша и Женя живут у Тамары Морозовой, которая скрывает, что они брат и сестра. Прежние способности, которыми блистали малыши, были ими утрачены после того, как их опоили снотворным. Лишь изредка внезапные проблески прежних дарований поражают и окружающих, и их самих. Они выросли, понимая, что друг для друга дороже всех на свете. Но Тамара, которая отчаянно ревнует своего сына к Жене, совершает преступление. Лишь чудом девушка остается жива... Узнав о своем родстве, брат с сестрой, которые собирались играть свадьбу, в ужасе разъезжаются кто куда, чтобы забыть и Тамару, и друг друга...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2018
© Чернова Е., иллюстрация, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-95239-7

Есть на небесах Бог,
открывающий тайны.

Книга пророка Даниила

Загадки страшные природы
Повсюду в воздухе висят.

Н. Заболоцкий

Пролог

...Т *Хабаровский край,
район Бикина, 1959 год*

ак, значит, это был тигр! Тигр, а не изюбрь! То-то Саше показалось странным, что раздается его рев, но не слышно ни треска веток, сломанных рогами, ни тяжелых шагов зверя.

Глупцы! Они не чуяли опасности, потому что были опьянены своей удачей. Даже для Данилы, опытного женишенщика, это оказался особенный день. Невероятный! Панцуй¹ словно бы сам шел к ним в руки, и один довольно крупный корень нашел Саша, что считалось просто чудом: ведь он первый раз вышел на промысел.

— Дуин даи най, дюэр нучи пиктэ, — то и дело бормотал Данила и повторял по-русски, как бы утверждая факт: — Четыре большой человек, два маленький ребенок. Ребенок ждет, когда вырастет, большой человек в сумке лежит.

Ну да, еще не подросшие корешки опытные сборщики не брали — пользы от них пока мало, пускай подрастут! — но это место помечали, чтобы вернуться на другой год. Так и Данила отметил два заветных места.

Саша давно уже не спрашивал, почему Данила говорит о панцеуе как о человеке. В самом деле, зрелый корень очень похож на человеческую фигурку. Слово «женьшень» так и переводят с китайского: человек-корень.

¹ Панцуй — китайское название женишеня, принятое и на русском Дальнем Востоке. (Здесь и далее примечания автора.)

Вот они шли да шли себе под радостный речитатив Данилы: «Илан даи най, дюэр нучи пиктэ», — когда невдалеке послышалось мягкое и в то же время пронзительное:

— Йя-яаа-у-у! Йя-яаа-у-у!

Данила и Саша переглянулись.

— Орон! — выдохнул Данила. — Изюбрь! Панты!

Оба мигом забыли о том, что ради пантов, то есть рогов, изюбря бьют только до июля (потом панты сохнут, теряют свои целебные свойства и идут за бесценнок, как поделочный материал), а сейчас подходит к концу август. Они забыли о том, что вчера уже подстрелили двух кабанов, мясо которых лежит в балагане, и его еще надо дотащить до села. То есть мясо изюбря им тоже было ни к чему. Но этот рев возбуждал необычайно, он вскружил им головы! Саша отдернул накомарник; оба охотника сорвали с плеч ружья.

Рыжая шкура на миг мелькнула в зарослях аралии, и Данила выстрелил. Почти сразу выпалил и Саша. Оба промахнулись: через мгновение рыжая шкура появилась гораздо правее, и они ударили из вторых стволов, даже не задумавшись о том, что громоздкий изюбрь никак не мог бесшумно переместиться на такое расстояние.

А между тем это был не изюбрь. Это оказался тигр — великий мастер вкрадчиво цедить рев изюбря, подманивая зверя... или человека. Тигр заморочил головы неопытным охотникам и подкрался к ним незаметно, на мягких лапах!

Судя по неподвижности Данилы, он тоже был ошарашен внезапным появлением амбани¹. Саша понимал: ни он, ни Данила просто не успеют перезарядить ружья — тигр прыгнет раньше!

И тигр прыгнул — нет, грянул, как гром, с высоты, с камня, на котором таился. На фоне сочной таежной

¹ Амбани — тигр (нанайск.).

В моих глазах — твоя гибель!

августовской зелени, еще не расцвеченной осенним буйством красок, возникло вдруг ярко-рыжее, сильное, стремительное тело.

Саша смотрел на зверя, летящего на него, и секунда растягивалась в бесконечность...

Это был здоровенный самец. Его широко расставленные передние лапы, казалось, готовы заключить человека в объятия, в разинувшейся во всю ширину пасти белели клыки, уши воинственно прижались к затылку, а глаза сияли жгучим расплавленным золотом.

Саша выронил бесполезное ружье и, словно пытаясь сдержать прыжок огромного зверя, в отчаянии выставил руки вперед. Все в нем воззвало, вскричало, взрыдало, взмолилось о помощи, но кого звал, кого молил, он и сам не мог бы сказать. Только мелькнуло в памяти самое любимое лицо на свете — лицо Жени, искаженное горем, и Саша остро ощутил, что его неминуемая гибель и в самом деле станет страшным горем для нее! Что бы ни разлучило их — они остались братом и сестрой. Человеческая злоба пыталась их разлучить — но не смогла. Неужели разлучит смерть? Теперь уж навеки? Нет!

И огонь жизни, страсть к жизни, невозможность лишиться жизни вспыхнули в Саше так яростно, что он ощутил болезненный жар в кончиках пальцев, напряженно вытянутых к тигру: их как бы прошило искрами, и почудилось, что воздух, отделяющий его от зверя, расплавился, заструился, вскипел.

И случилось невероятное.

Какая-то сила словно бы остановила стремительный полет тигра — остановила на краткий миг, однако это был осязаемый, осознаваемый миг, когда Сашу самого обдало жаром изумления, ибо повисшего в воздухе тигра ему еще не приходилось видеть, и он даже не мог себе представить такого, не хватало никакого воображения! Этого мига, впрочем, хватило, чтобы отшатнуться в сторону, вломившись в колючие заросли

Елена Арсеньева

элеутерококка, а тигр, продолжая свой прерванный прыжок, упал на тропу в каком-то метре от него.

Внезапно рядом грянул выстрел.

Раздался вой, исполненный лютой боли; тигр снова взвился в прыжке, однако сейчас его взметнула не жажда наживы, а боль — и ненависть к человеку, который выпалил в него из зарослей.

Саша успел увидеть торчащий из сплетения лиан лимонника, униженного алыми ягодами, ружейный ствол, высунувшуюся голову в апоне — нанайской шапке, — но в следующее мгновение тигр рухнул туда всей массой.

Раздался грохот камнепада, и Саша понял, что неизвестный охотник тайлся на крохотном выступе скалы, который не выдержал тяжести тигра и обвалился.

Треск сломанного подлеска, перестук раскатившихся каменных обломков — все это скоро стихло, и больше Саша не слышал ни звука.

Он поднялся на ноги, вылез из спасительного куста, машинально обирая с себя мелкие сухие иголки и морщась от боли в исколотых пальцах, осмотрелся — и наткнулся на взгляд Данилы. Узкие нанайские глаза того, без преувеличения сказать, сейчас сделались круглыми от страха и изумления!

— Кто?.. — хрипло выговорил он. — Кто стрелял?!

Саша только покачал головой. Он был настолько потрясен, что слова вымолвить не мог.

Наконец удалось разлепить спекшиеся губы:

— Надо посмотреть, что там. Может быть, он жив...

— Амбани?! — вскинулся Данила, торопливо перерезая ружье.

— Человек! — резко сказал Саша.

Человек, который спас ему жизнь.

Данила в сомнении покачал головой и, держа ружье в одной руке, начал проворно спускаться в обрыв, цепляясь за лианы дикого винограда, плотно оплетающие стволы черных берез, столпившихся над обрывом...

А

Горький, 1942 год

о глубокой ночи Тамара отмывала залитые кровью комнату и крыльцо. Трупы Ольги и Фаины Ивановны увезли в морг. В почтовом ящике обнаружилась похоронка на мужа Ольги, Василия Васильевича, но ужаснуться этому у Тамары не оставалось никаких сил. Ей хотелось верить, что Ольга не успела об этом узнать...

Итак, она осталась в чужом, вернее, бесхозном доме — с двумя детьми, которые находились в ужасном состоянии после того, как были одурманены сильнейшей дозой мака и едва не погибли из-за этого. Их пытались похитить, но кто и зачем, Тамара никак не могла взять в толк. Кому понадобились двое малышей?!

Капитан госбезопасности Дмитрий Александрович Егоров, спасший Сашу и Женю от похитителей, должен был возвращаться к месту службы — в город Саров, где строилось какое-то секретное предприятие. Он помог Тамаре похоронить Ольгу, а потом сразу уехал, однако все же успел рассказать ей о том, что узнал от одного из похитителей, и это потрясло Тамару.

Оказывается, глубокая привязанность Саше и Жени друг к другу была не просто детской дружбой, а их странности, которых Тамара старательно не хотела замечать, — вовсе не странностями. Саша и Женя оказались братом и сестрой, двойняшками, которые роди-

лись в семье секретных сотрудников НКВД, погибших спустя несколько дней после появления детей на свет. Их фамилия была Егоровы, отца — по удивительному совпадению! — тоже звали Дмитрием Александровичем, как и капитана госбезопасности, а мать — Елизаветой Николаевной. Способности к передаче мыслей на расстоянии, к перемещению предметов, к воздействию на психику Женя и Саша переняли от своих родителей. И если они уже в детстве неосознанно совершали чудеса, то какими же станут в будущем?..

На их странности и способности, даже самые невероятные, Тамаре было совершенно плевать, но открытие, что Саша не является ее родным сыном, ее сокрушило. Смириться с этим она не могла, а главное, не хотела. Возможно, она даже немного помешалась от горя, которое доставило ей это открытие. И, чтобы выжить, чтобы не сойти с ума, Тамара решила не верить Егорову. Не верить — и все!

Саша — ее сын. Ее собственный сын. Тамара любила его самозабвенной, мучительной и страстной любовью собственницы. Никто не знал, как она раньше ревновала его к Жене и Ольге, с которыми ей волей-неволей приходилось делить привязанность Саши.

Теперь многое изменилось. Ольги больше нет. А Женя для Саши — не более чем чужая девчонка! Ведь, когда Саша и Женя проснулись, оказалось, что они забыли все свое недолгое прошлое, что не помнят вообще ничего, даже друг друга. И, судя по всему, свои «особые способности» они тоже утратили.

Перед отъездом Егоров прислал к Тамаре старенькую докторшу по фамилии Симеонова. Симеонова работала в психиатрической больнице и помогла Егорову установить личность одного из похитителей детей — Пейвэ Меца: человека с самыми страшными глазами, которые только приходилось видеть Тамаре в жизни! Эти эмалевые синие глаза и это имя надолго стали ее

В моих глазах — твоя гибель!

наваждением и кошмаром: они вползали в ее мозг подобно тому, как вползали в него мысли этого Меца, которые Тамара непонятным образом улавливала.

Вечером Симеонова обследовала Сашу и Женю и предложила забрать их в больницу, чтобы начать лечение. Она уверяла, что способна вернуть им память... но именно этого Тамара хотела меньше всего!

Да, ей меньше всего нужно было, чтобы Саша вспомнил, как чудесно ему и Жене жилось в Ольгином доме, вспомнил бы, как Тамама (он всегда называл Тамару только так, ни разу не сказал ей «мама», и это, наверное, на многое могло бы открыть ей глаза — если бы она захотела их открыть, конечно!) приходила домой поздно, пьяная, а то и вовсе не приходила, а однажды принесла кольцо, при виде которого детям стало дурно, их рвало... потом выяснилось, что это кольцо, подаренное Тамаре любовником, было снято с убитой женщины.

Нет, возвращения такой памяти Тамара не хотела! Точно так же не нужны были ей невероятные способности Саши и Жени. Поэтому она решительно дала от ворот поворот доктору Симеоновой, однако соврала, что хочет, чтобы дети просто окрепли физически. А потом, дескать, можно будет и о лечении поговорить.

Доверчивая старушка со смешной седой косичкой, которая вечно выпадала из прически, согласилась подождать и покорно ушла. Но Тамара ждать не собиралась. Она решила уехать с Сашей в Москву. Но как это сделать?!

На ее бывшего начальника и любовника, Бориса Лозикова, надеяться не стоило: как сообщил Егоров, Лозикову предстояло вылечиться после ранения, а потом отправиться в тюрьму за многочисленные хищения и пособничество группе диверсантов.

Мог бы помочь Егоров — НКВД всесильно! — однако к нему Тамара ни за что не обратилась бы. Она вообще собиралась проделать все тайно от него. Очаровавшись

Тамарой с первого взгляда (и к этому ей было не привыкать!), Егоров вскоре разочаровался в ней, а потом стал относиться подозрительно. Если бы его не призывали срочные дела, он остался бы в Горьком и добился бы того, чтобы Саша узнал, что Тамама ему вовсе не мать, что Женя — родная сестра. Он разрушил бы жизнь Тамары! Нет, она не собиралась позволять этого.

Бежать! Скрыться, чтобы Егоров ее не нашел!

Но куда бежать? Где скрываться? У кого найти помощь?

...Закончив уборку, Тамара еще долго сидела в столовой, в одиночку поминая Ольгу и тихо плача от тоски и бессилия, а еще от того, что жалкие остатки водки она уже допила, а больше взять было негде. Наконец поднялась в спальню.

Дети спали рядом на ее кровати. Тамара хотела отнести Женю в Ольгину комнату, однако жутко стало входить туда, словно где-нибудь там мог притаиться призрак подруги, и она только переложила Женю в Сашину кроватку, а сама легла рядом с сыном, обняла его и попыталась собраться с мыслями.

Всю эту ужасную ночь Тамара не спала, ломая голову в поисках выхода из сложившейся ситуации. А рано утром раздался громкий стук в калитку...

Тамара подхватила с измятой, разоренной постели и глянула в щель меж плотно закрытых штор затемнения.

В сером предрассветье она разглядела широкоплечего мужчину в черной шинели и фуражке, плотно сидящей на большой круглой голове. Тусклым золотом отсвечивали нашивки на рукавах.

Тамара схватилась за сердце. Она не видела этого человека почти пять лет, она не могла толком разглядеть его лица, но узнала его сразу.

Александр Морозов! Ее первая любовь, ее бывший муж, который развелся с ней из жгучей ревности и по-

В моих глазах — твоя гибель!

тому, что уверился, будто Тамара родила Сашку от молодого врача Виктора Панкратова!

Мысль о том, что Сашку она вообще не рожала, что Панкратов подменил ее умершего ребенка, как уверял Егоров, Тамара отогнала от себя, как опаснейшего врага. Она накинула халат и шаль, спустилась вниз, отперла двери и подошла к калитке.

Да так и ахнула: черная повязка прикрывала правый глаз Морозова. Зато заметила нашивки на рукавах шинели: был Морозов кавторанг, а теперь стал каперангом!¹

— Ну вот, — хрипло выговорил каперанг Морозов, разводя руками, в одной из которых был зажат чемоданчик. — Помнишь, ты меня Нельсоном называла? Теперь я точка в точку Нельсон, даже правого глаза лишился. Здравствуй, царица Тамара.

— Да, — пробормотала Тамара, глядя в его единственный серо-голубой глаз и тиская у горла шаль. — Здравствуй, Сашенька.

— Томка, Томочка, — выдохнул каперанг, — до чего же я по тебе соскучился!

И, рванув калитку так, что та слетела с петель, шагнул к Тамаре, облапил ее, прижал к себе, сопя и вздыхая. Тамара бессильно приникла к нему — она забыла медвежью силищу Морозова, который всегда обнимал ее так, словно намеревался переломать ей кости, заплакала тихонько:

— Сашка... я боялась, что тебя убили!

— Били — не добились, — пробурчал Морозов, горячо дыша ей в волосы. — Тома, ты с кем живешь? Ну, живешь с кем, я спрашиваю? Замуж вышла?

Тамара молча повозила головой по шинельному сукну.

¹ Кавторанг — капитан второго ранга, каперанг — капитан первого ранга.